

пединститута. Меня там помнили, тепло встретили и декан, и ректор. Сказали, зачтут экзамены в Мухинке, но потребовали написать заявление, что не сбегу. Просто некоторые ребята после второго–третьего курсов бросали худграф и уезжали поступать в престижные столичные вузы. Я дала обещание закончить учебу. На защите диплома выставила картину «Материнство», весь подготовительный материал и еще шесть больших законченных портретов. Получила оценку «отлично», хорошие отзывы.

Как отличница могла выбрать место будущей работы. В итоге поехала в педагогическое училище Улан-Удэ, в столицу Бурятии. Была осень, из Москвы добиралась четверо суток,

только педагогикой, но и творчеством. Для меня это всегда было важнее всего. Сколько было замечательных учеников! Талантливых, ставших серьезными мастерами, членами Союза художников, заслуженными учителями...

Но в один прекрасный момент ясно почувствовала – хватит, все. В 75 лет вышла на заслуженный отдых. Сейчас просто наслаждаюсь свободной жизнью. Сколько в ней еще неизведанного, интересного, притягательного. Будь то наша великая классическая литература, музыка, театр, балет, кино... Бездна всего, что хочется успеть познать, понять, пережить.

– У вас огромный пласт жизненных и профессиональных наблюдений

творчество им неинтересны. И мне с ними было неуютно. Потому и ушла на пенсию.

И какое же замечательное время настало! У меня началась новая, совершенно потрясающая жизнь! Я ни от кого не завишу, никому ничем не обязана, только творчество, выставки, искусство, литература, книги... Иногда слышу, люди не хотят уходить на пенсию, и думаю, ну зачем я так долго задержалась на работе!

В 77 лет мне присвоили звание «Заслуженный художник России». Это случается крайне редко в нашей организации СХР. Выходит, повезло дожить!

– Творчество вдохновляет, придает силы жить?

– Абсолютно точно! Неважно, что я пишу – портреты, натюрморты, пейзажи, мне нравится все! Что вижу, то и пишу. Живопись – это ведь образ жизни, и самооценка она сама по себе, если настоящая.

– Но это ведь и адский труд, требующий огромных сил, напряжения?

– Не соглашусь! Для меня писать картины всегда радость и удовольствие! Увлекателен сам процесс, он всегда непредсказуем. Я каждый раз работаю на эмоциях. То ощущение, которое получаю от натуры, хочется передать. Никогда не высчитываю конечный результат, и получаются очень разные работы, как мне говорят на выставках.

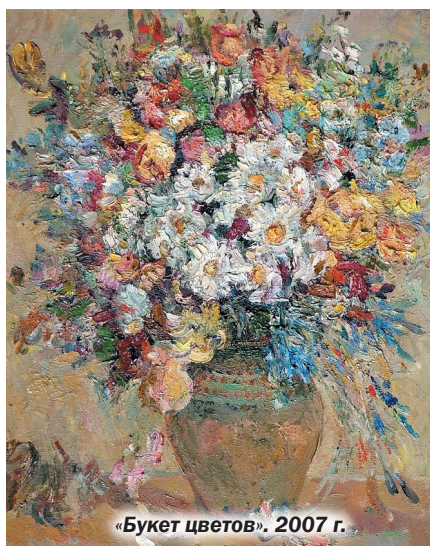
Я прошла через множество экспериментов за свою жизнь. То писала без белил, то на желтой палитре строила композиции, то обостряла цвет и форму, то вообще отключала сознание и работала на подсознании... По-разному выходило. И потом, когда смотришь на свои картины, понимаешь, что войти снова в то же состояние невозможно.

А иногда случались моменты, словно не я пишу, а кистью водит невидимая чудесная сила. Какая-то энергия свыше управляет мною. Это счастье, конечно.

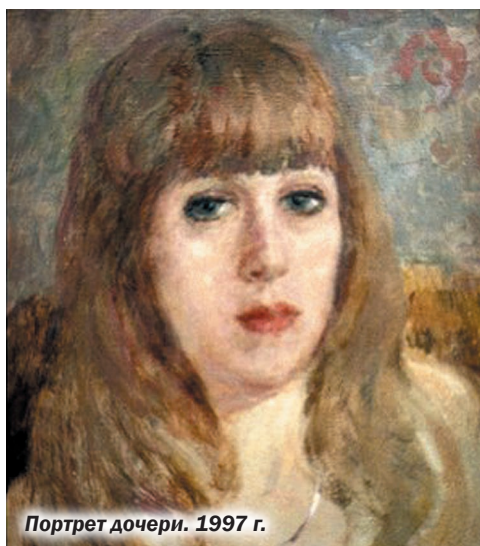
– Об этом феномене рассказывала и писательница Виктория Токарева. А что для вас важнее – оценка коллег, зрителей или собственная?

– Мне всегда был интересен не итог, а сам процесс творчества. Как бы ни хвалили мою работу, если я недовольна результатом, все равно ее взорву. И начну снова.

Ольга АФАНАСЬЕВА

«Букет цветов». 2007 г.

Портрет дочери. 1997 г.

увидела все реки России, красивые места. Один Байкал – чудо природы – проезжали семь часов.

Год преподавала рисование. Затем получила предложение от директора училища организовать художественно-графическое отделение. Два с половиной года с огромным удовольствием занималась этой работой. А потом пришло предложение из Курска преподавать на родном факультете. Улетала под Новый год. Думала, все пройдет тихо, спокойно. Но когда в четыре ночи вышла на порог общежития, увидела, что весь худграф собрался меня проводить.

В Курске на худграфе преподавала 45 лет. Прошла путь от ассистента преподавателя до профессора кафедры живописи, работала с огромным удовольствием. Я ведь занималась не

как педагога. За полвека студенчество изменилось?

– Разительно поменялось. Я и ушла потому, что почувствовала – стало неинтересно работать. Болонская система навредила нашему образованию. Раньше был специалитет, я вела третий–пятый курсы. За эти три года формировался человек, студенты уже взрослые, понимали, что к чему. С ними было здорово и на пленэры ездить, и на экскурсии, и об искусстве толковать.

Когда в университете открыли живописное отделение, я еще надеялась, что появятся те – их всего оказалось 4–5 человек, – которые хотят стать чистыми художниками. А пришли совсем другие – мы называем их «кнопчники». Они хорошие ребята, замечательные, но искусство,